

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

и

БОРИС АКУНИН

представляют

**БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»**

ВАЛЕНТИН ИВАНОВ

Русь изначальная

Русь Великая

ПАВЕЛ ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

Евпраксия

Ярослав Мудрый

АНТОНИН ЛАДИНСКИЙ

Голубь над Понтом

ВЕРА ПАНОВА

Сказание об Ольге

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

Вещий Олег

Владимир Красное Солнышко

ВАСИЛИЙ ЯН

Чингисхан

ВАСИЛИЙ ЯН

Батый

ИСАЙ КАЛАШНИКОВ

Жестокий век

ВАЛЕРИЙ ЯЗВИЦКИЙ

Иван III — государь всея Руси

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

ИСАЙ
КАЛАШНИКОВ

ЖЕСТОКИЙ
ВЕК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

*Библиотека проекта Бориса Акунина
«История Российского государства»
издается с 2014 года*

Серийное оформление — Андрей Фerez
Дизайн переплета — Яна Половцева

Калашников, Исай Калистратович.

К17 Жестокий век : [роман] / Исай Калашников. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 928 с. — (Библиотека проекта Бориса Акунина «История Российского государства»).

ISBN 978-5-17-091896-6

Библиотека проекта «История Российского Государства» — это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники мировой литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков.

Исторический роман «Жестокий век» — это красочное полотно жизни монголов в конце XII — начале XIII века. Молниеносные степные переходы, дымы кочевий, необузданная вольная жизнь, где неразлучны смертельная опасность и удача... Войско гениального полководца и чудовища Чингисхана, подобно огнедышащей вулканической лаве, сметало на своем пути все живое: истребляло племена и народы, превращало в пепел цветущие цивилизации. Желание Чингисхана, вершителя этого жесточайшего абсурда, стать единственным правителем Вселенной, толкало его к новым и новым кровавым завоевательным походам...

**УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-091896-6

© В.Акунин, 2020
© Калашников И.К., наследники, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

A decorative flourish consisting of several overlapping, flowing lines that form a central frame around the text. The lines are black and white, creating a sense of depth and movement.

Книга 1
ГОНИМЫЕ

Небо звездное, бывало,
Поворачивалось —
Вот какая распря шла
Всенародная.
На постель тут не ложились,
Все добычей поживлялись,
Мать широкая земля
Содрогалась —
Вот какая распря шла
Всеязычная.
*«Сокровенное сказание»,
монгольская хроника 1240 г.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Крытый возок, запряженный двумя волами, медленно двигался по степи. За возком шагала подседланная лошадь.

Над выжженной зноем степью висело горячее солнце. Разморенные жарой, волы шли, понуро опустив головы, над их мокрыми спинами кружилась мошка, под колесами сухо шелестели стебли ковыля — дэрисуна.

Оэлун сидела в задке повозки. По ее лицу, детски округлому, катились капли пота и падали на подол шелкового халата — ее свадебного наряда. Глаза Оэлун были широко открыты, но она не видела ни серых метелок дэрисуна, ни одинокого облачка над степью, не чувствовала зноя, — она была далеко отсюда, где остались мать и братья, ее детские игры и забавы.

На ее проводы собрались многие соплеменники — олхонуты. Пели песни, шутили, состязались в остроловии, всем было весело, ей тоже: она всегда любила праздники, а это был ее праздник — в ее честь, в честь ее жениха слагали песни и пышные юролы-благопожелания. Ее сородичи славились веселым нравом, песнями и красавицами девушками. За много дней пути, порой даже с берегов неведомого Байкала, порой от Великой стены — предела царства китайского Алтан-хана, — приезжали к ним за невестами...

Первый день пути прошел незаметно. Она вспоминала прощальный пир, про себя напевала сложенные в ее честь песни, украдкой посматривала на своего жениха. Он был ей по душе, ее Чиледу. Высокий, крепкий, лицо открытое, приветливое; такой, она знала, зря не обидит и в обиду не даст.

Этот день был для Оэлун как бы продолжением праздника. Но вечером, когда они остановились на ночлег и Чиледу велел

ей приготовить ужин, она как-то сразу, в одно мгновение, осознала крутую перемену в своей жизни, поняла, что покинула родной нутг — кочевье — не на день, не на два, навсегда. Ей стало так то-скливо, что, позабыв про ужин, она села на землю, закрыла лицо руками и горько заплакала. Чиледу удивленно заморгал глазами, наклонился над нею, провел ладонью по голове, ничего не сказал. Она не дала воли слезам, вытерла глаза полкой халата, стала разводить огонь. Но тоска из сердца не уходила. Кончилась ее беззаботная жизнь. Теперь она должна готовить пищу, шить одежду, седлать мужу коня, править повозкой во время перекочевок...

Чиледу не досаждал ей разговорами, его широкое лицо все время было спокойно-ласковым, в узких бесхитростных глазах светилась участливая улыбка. И она была благодарна ему за эту улыбку, за молчание.

И сейчас, сидя в задке повозки спиной к Чиледу, она ощущала на затылке его взгляд. Все время казалось, что жених желает что-то сказать, но разговаривать совсем не хотелось, и она сидела не оборачиваясь.

— Оэлун, — позвал он.

Она слегка повернула голову.

— Хочешь кумыса, Оэлун?

Только теперь она почувствовала, что от зноя во рту пересохло. Молча кивнула. Чиледу налил в деревянную чашку кумыса из бурдюка, уложенного в повозку ее материю. Кумыс был теплый и кислый, от него засвербило в носу.

— Скоро будет Онон, — сказал Чиледу, завязывая бурдюк. — У воды покормим волов и лошадей, отдохнем до вечера. Дальше поедем ночью. И прохладнее, и безопаснее.

В этот день Чиледу все время держал на коленях лук с боевой стрелой, рядом, под рукой, лежал обнаженный меч с рукояткой из рога изюбра.

— А какая тут... опасность? — без интереса, чтобы хоть что-то сказать, спросила она.

— Тут кочует худое племя. Мы, меркиты, все время в ссоре с этим племенем. Недавно воевали. Они убили нашего повелителя Тудур-билге, тяжело ранили его сына Тохто-беки.

Чиледу говорил, тревожно глядя в степь. Но кругом не было ни души, только изредка перекликались в чахлой траве суслики.

Вскоре местность стала заметно ниже, а земля не такой сухой и твердой. Впереди, расплываясь в горячем дрожащем воздухе, показалась темная гряда тальниковых зарослей. Волы, по-

чувяв воду, пошли быстрее, конь Чиледу поднял голову, запрядал ушами.

На широкой луговине, в тени кустарника, Чиледу распряг волов, стреножил лошадь. Оэлун села на берегу. На реке вспыхивали сплясшие блики, волны тихо всхлипывали у затравеневского берега. Чиледу присел рядом, притронулся рукой к ее плечу.

— Не печалься, Оэлун. У нас все будет хорошо, вот увидишь. Род мой не богат и не знатен, но я умею работать и метко стрелять. На Селенге много зверей. Я буду стараться, Оэлун, чтобы тебе жилось не хуже, чем в юрте самого знатного нойона.

Оэлун слушала молча, смотрела в воду Она. По дну текли, не взмучивая чистой воды, и уносились вниз струйки песка. Неторопливая, раздумчивая речь Чиледу успокаивала. Оэлун попробовала представить свою жизнь там, на берегах Селенги, в кочевьях меркитов, но из этого ничего не получилось, она видела перед собой одно и то же: юрты у светлого озера, окаймленного высокими зарослями камыша, скудноотравные степи с белыми пятнами солончаков — гуджиров — родной нутуг олхонутов.

— Селенга такая же, как Онон? — спросила она.

— Много больше. Редкий багатур в силах перекинуть стрелу из лука с одного берега на другой.

Чиледу наломал сухих тальниковых палок, высек кресалом огонь, но тут же и угасил, опасливо оглядываясь.

— Ты боишься? — спросила Оэлун.

— Дым далеко виден, — уклончиво ответил Чиледу, нахмурился.

Она чувствовала, что ему не хочется выглядеть в ее глазах трусом, сказала:

— Обойдемся без огня.

Чиледу упрямо дернул головой:

— Нет, мы разведем огонь.

Он снова ударил кресалом по кремню.

Над огнем Чиледу растопырил походную треногу тагана, повесил на нее котелок с водой. Все это проделал ловко, быстро, без опасливых оглядок. И Оэлун подумала, что вечное синее небо послало ей хорошего жениха.

Чиледу сбросил с себя халат, сидел на траве голый по пояс, пестрая тень испятнала его смуглую кожу; блаженно улыбаясь, следил за каждым движением Оэлун.

Лошадь, щипавшая траву, неожиданно подняла голову, призывно заржала. Из-за кустов тальника донеслось ответное ржание.

Чиледу вскочил, метнулся к повозке, схватил лук и меч, вернулся к огню, подняв Оэлун, толкнул в возок и задернул полог.

Страх у Оэлуна не было. Она чуть отодвинула полог, выглянула наружу. На луговину выехал одинокий всадник на белоногой рыжей лошади. На нем был халат из грубой шерстяной ткани, но оружие — кривая сабля, колчан со стрелами — украшено серебром, а седло и уздечка — медными резными пластинками. Оэлун удивило, что обнаженная голова всадника была под цвет масти его лошади — рыжей. Небольшие косички, заложенные за уши, поблескивали так, будто были отлиты из меди. Она еще никогда не видела людей с рыжими волосами. И глаза у него не такие, как у всех людей, — не карие или черные, а серо-зеленые. Может быть, это и не человек? Тогда кто же? Дух добра или зла?

Не спуская настороженного взгляда с Чиледу, всадник напряженным голосом поздоровался. Чиледу ответил невнятно, его руки сжимали лук, готовые в любое мгновение натянуть тетиву.

Всадник, окинув взглядом поляну и, видимо, убедившись, что здесь больше никого нет, успокоился, насмешливо спросил:

— Чего ошетинился? Откуда такой взялся?

— Издалека, — буркнул Чиледу, опустил лук, присел к огню.

— Меркит? — спросил всадник.

— Да.

— Это сразу видно. Всякий другой пригласил бы гостя отве­даться пищи, освежиться кумысом — так велит обычай степняков. Древние обычаи не для вас, заносчивые меркиты?

— А разве древний обычай велит тебе, гость, приставать с расспросами? — угрюмо проговорил Чиледу. — Садись, я налью тебе кумысу.

Всадник засмеялся.

— С этого бы и начинал. Но я не буду пить твоего кумыса, меркит. Что ты делаешь здесь, так далеко от своего нутуга? Кто тебя послал сюда? Зачем? — Всадник наклонился, резко отдернул полог и заглянул в возок. — Ого!

Оэлун совсем рядом увидела его удивленные глаза, отодвинулась.

— Как тебя зовут, прекрасная девушка?

— Оэлун^{1*}, — недружелюбно отозвалась она.

— Какое же ты облако! — В широкой улыбке блеснули его белые ровные зубы. — Ты не облако, ты гроздовая тучка! А меня,

* Здесь и далее см. Примечания на с. 913.

красавица, зовут Есугей. — Он повернулся к Чиледу: — Если это твоя сестра, меркит, видит небо, я готов стать вашим зятем. — Удадо подбоченился.

— Она моя невеста.

— Невеста?! — Улыбка медленно стекла с его лица, оно стало жестким. — Неве-е-ста... Что ж, вези ее домой. — Еще раз глянул на Оэлун. — Если твой жених когда-нибудь подымет против нас оружие, ты останешься вдовой — знай это. И ты, жених, запомни мои слова!

Он рванул повод, ускакал, ни разу не оглянувшись.

Чиледу смотрел ему вслед, торопливо вытирал потный лоб.

Кое-как перекусив, запрягли быков. Пока собирались, Чиледу все время оглядывался, прислушивался, бормотал: «Будь ты проклят, красноголовый шакал!» Он немного успокоился, когда гряда тальников и жарко блестящая излучина Она остались позади.

— Ты знаешь этого человека? — спросила Оэлун.

— Я знаю его племя. Во всей степи не найдешь таких задир и забияк, как эти тайчиуты.

— Почему у него волосы и глаза не черные? У них все такие?

— Не все. Есть у них один род рыжеголовых. Они считают рыжие волосы и серые глаза знаком своего божественного происхождения. Ты слышала, как он разговаривал со мной? Это не потому только, что тайчиуты побили наше племя. Всех на свете людей эти рыжеголовые считают ниже себя. Как же, они созданы самим небом!

Чиледу сорвал злость на быках — того и другого хлестнул плетью, и на их потных спинах легли темные полосы.

— Это как — созданы небом?

Взглянув на нее, Чиледу смягчился.

— От стариков слышал я, что много-много лет назад у владельца Баргуджин-Токума была дочь-красавица Баргуджин-гоа. Ее взял в жены Хорилтай-мэрген из племени хори-туматов. У них родилась дочь Алан-гоа. Хорилтай вместе с женой и дочерью прикочевал в эти места. Алан-гоа вышла замуж за Добун-мэргена. Добун вскоре умер, оставив молодую жену с двумя сыновьями. Тут-то и начинаются чудеса. Мужа нет, а Алан-гоа рождает одного, второго, третьего сына. «Как же так?» — спрашивают у нее. Алан-гоа рассказывает, что каждый вечер, как только стемнеет и на небе зажгутся звезды, в ее юрту через дымовое отверстие проникает луч света и превращается в светловолосого молодого человека. От него и дети.

Наши старики говорят и другое. Не через дымовое отверстие, а через полог юрты, не луч света, а безродный работник Маалих проникал по ночам к Алан-гоа.

Чиледу замолчал, зорко вглядываясь в серо-желтую равнину бескрайней степи.

Глава 2

Оставив Чиледу с невестой, Есугей направился к синееющим вдали холмам. Там он собирался поохотиться на степных птиц. Но предстоящая охота — любимое занятие Есугея — мало занимала его. В мыслях он все время возвращался к внезапной встрече. И дурак же этот меркит! Расположился, как в своем родном нутуге. Надо было отобрать у него и лошадь, и быков, и невесту, а самого заставить пасти стада. Это было бы справедливо. Враг всегда остается врагом. Почему же отпустил его целым и невредимым? Может быть, как раз потому, что этот меркит такой простаки и растяпа? Нет, пожалуй, нет. Такие вот харачу никогда не вызывали его жалости и сочувствия. Ни ума, ни отваги. Будь на месте этого меркита он, Есугей, разве позволил бы кому бы то ни было заглядывать в повозку? А какая невеста досталась этому простаку! В память так и врезалось ее лицо: в сумраке повозки сверкают сердитые глаза, а на густых бровях, как роса в траве, блестят капельки пота. Скорей всего из-за нее и не тронул меркита. Но правильно ли сделал? Что, интересно, сказал бы обо всем этом старый Амбахай-хан, его мудрый наставник? Вот уж чего заранее никак не угадаешь. В недавнем сражении с меркитами Есугей пробился к Тохто-беки, молодому сыну вождя врагов. Действуя копьем, а потом и саблей, он нанес Тохто несколько ран. Тот, обливаясь кровью, побежал. Есугей начал настигать его, но лошадь попала ногой в нору суслика, упала. От досады и ярости Есугей чуть не зарубил скакуна. После сражения он старался не попадаться на глаза хану. Но Амбахай сам позвал и сказал:

— Я вижу, ты очень расстроен, но причин для расстройства нет. Тохто-беки должен занять место своего отца. А битый вождь враждебного племени лучше небитого: лишний раз не захочет с нами драться.

Амбахай-хан, друг и преемник знаменитого Хабул-хана, деда Есугея, на многое смотрит совсем иначе, чем другие нойоны племени. После битвы с меркитами нойоны потребовали,

чтобы Амбахай-хан, не медля и дня, двинулся на извечных врагов — племя татар. Есугей тогда думал так же, как все. Меркиты ослаблены поражением и гибелью вождя, пока они оправляются, можно всей силой обрушиться на татар.

Амбахай-хан слушал, никого не перебивал, пощипывал рендельский седой ус; у него была привычка всегда пощипывать один и тот же ус, потому другой ус был много длиннее, от этого морщинистое лицо хана казалось перекошенным. Когда все выговорились, он вздохнул.

— Побеждает врага сильный, извлекает выгоду из победы мудрый. Мудро ли идти сейчас войной на татар? Они знают о поражении меркитов. И рассуждают примерно как вы, и готовятся к встрече с нами. Каков будет исход войны, одному небу известно. Но даже если мы победим — что даст нам победа? Алтан-хана встревожит наше усиление. Он пойдет войной на нас. Нам одним не устоять. Значит, нужно думать не о войне, а о мире с татарами. Я поеду к ним сам, без воинов, и попробую угасить огонь старой вражды.

— Они убьют тебя! — сказал Есугей.

— Может быть, и убьют, — грустно улыбаясь, отозвался Амбахай-хан. — Но у нас вряд ли еще будет такой случай установить мир.

С несколькими нукерами Амбахай-хан уехал к озеру Буирнур, месту кочевья татар. Ему давно пора бы возвратиться, но нет ни его, ни вестей о нем.

Лошадь Есугея шла шагом, на ходу пощипывая траву. Солнце перевалило за полдень, но жара не спала, степь была пустынной. Есугей забыл совсем, что он едет на охоту. Мысли цеплялись одна за другую, как звенья цепи, но о чем бы он ни думал, воспоминание о девушке-облаке неясным беспокойством жило в нем. Чем дальше уезжал от тальниковых зарослей на берегу Онона, тем отчетливее становилось это беспокойство. Он уже понимал, что завидует харачу-меркиту.

Есугею давно пора было обзавестись женой. У всех его братьев, даже у младшего, есть жены, а вот ему не повезло. Отец высватал для него невесту в одном из племен, кочующих близ Великой Китайской стены. Но когда пришло время везти невесту домой, на племя напали татары, многих людей поубивали, многих, в том числе его невесту, увели с собой. Потом умер его отец, храбрый Барган-багатур, потом начались войны, и его юрта до сих пор остается пустой. Оттого он все время пропадает на охо-

те. Если бы очаг его юрты разжигала такая же красавица, как невеста этого меркита...

Еще ничего не решив, он поднял поводья, круто развернул лошадь и во весь опор помчался домой.

Юрты его племени вольно раскинулись на плоской возвышенности у Онона. Табуны лошадей, пережидая жару, стояли в реке, на берегу лежали овцы. В жидкой тени от молодых березок спали пастухи, возле них сидел облезший пес, тяжело дышал, высунув розовый язык.

Есугей спешился у юрты своего брата Некун-тайджи. Стремительно откинув полог, он переступил порог. В юрте было сумрачно и прохладно. У очага, подвернув под себя ноги, сидели братья — Некун-тайджи и Даритай-отчигин. Должно быть, в выражении его лица было что-то такое, что встревожило братьев, оба молча уставились на него в ожидании. Есугей, смирив нетерпение, присел рядом с братьями, выпил чашку кумыса. Обычай не велит уважающему себя человеку уподобляться суетливой сороке. С медлительной почтительностью обратился к хозяину юрты, старшему по возрасту брату:

— Все ли благополучно у тебя?

— Вечное небо покровительствует мне, — так же неторопливо, степенно ответил Некун-тайджи, но вдруг его лицо, толстощекое, румяное, расплылось в счастливой улыбке. — У меня, Есугей, родился сын. Я назову его Хучаром. Хорошее имя, а?

Некун-тайджи весь сиял от радости. А Даритай-отчигин, не только самый младший, но и самый маленький из братьев, коротышка с тонкими, не мужскими руками, жмурил глаза: казалось, он смеется от радости, но Есугей слишком хорошо знал Отчигина — притворяется. Малый рост, слабосильность испортили его характер. Никогда от души не радуется за братьев, только так вот жмурит свои хитрые глаза.

— Хотите со мной поохотиться? — спросил Есугей.

— Сейчас, что ли? — Некун-тайджи глянул через дымоход на выбеленное солнцем небо. — Жарко.

— На кого охота? — Даритай-отчигин всматривался в лицо Есугея, пытаясь понять, чего недоговаривает брат.

— На дикую козу.

— Одни поедем? — допытывался Отчигин, все еще не понимая, что на уме у Есугея.

— Поедем втроем, больше никого не нужно. Но условие — коза мне.

— А нам? — не отставал Отчигин.

— Вам по воле.

— А-а, — протянул Отчигин, кажется, уяснив, на какую охоту зовет брат. — Не опасно? Может быть, поговорим со старшим братом, с Мунгету-Кияном?

— Вола всего два, — засмеялся Есугей. Поднялся. — Быстро собирайтесь. Если вы не поедете, я отправлюсь один.

Глава 3

Солнце село. Воздух стал прохладнее, но от прогретой земли несло сухим теплом. Запах трав, терпкий, дурманящий днем, стал слабее. Усталые быки еле тащили повозку. Копыта глухо стучали по окаменевшей земле. Оэлу нестерпимо хотелось пить. Как о божественной благодати думалось о глотке холодной родниковой воды. Уже несколько раз спрашивала, скоро ли дойдут до источника. Чиледу каждый раз отвечал, что скоро, но впереди стлалась все такая же ровная степь. Оэлу до боли в глазах всматривалась в ту сторону, где небо, охваченное зарей, смыкалось со степью, надеялась увидеть кусты тальника, метелки камыша или высокую осоку — спутников озер и речушек. Заря догорала, серые сумерки сливались с серой степью. Острые глаза Оэлу заметили впереди что-то темное. Наверное, куст тальника.

— Чиледу, посмотри.

Чиледу остановил быков. Перестала шелестеть трава под колесами, наступила тишина, наполненная звоном мошки, и в этой тишине рассыпался дробный стук копыт. Кто-то мчался им наперерез. Такой же стук копыт Оэлу уловила сзади и сбоку.

— Что это?! — Она испуганно прижалась к Чиледу.

Он резко отстранил ее, выскочил из повозки. Звонко тенькнула тетива, и стрела со свистом унеслась в сумерки.

— Эй, меркит, перестань!

Оэлу узнала предупреждающий голос. Это вернулся рыжий Есугей. Страх сразу пропал, ей почему-то показалось, что Есугей не сделает им ничего плохого. Но он тут же рассеял надежды.

— Слушай, меркит, внимательно! Сражаться с нами бесполезно — нас больше. Убежать невозможно — наши скакуны свежи и быстры. Если ты еще раз натянешь лук, твое тело завтра сожрут корсаки.